

*Захаров С. Е.
студент 2 курса,
факультет естественных наук,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула*

*Научный руководитель: Чеснова Е.Н.
кандидат философских наук, доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула*

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЮБВИ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

***Аннотация:** В статье рассматриваются оттенки любви, выделяющиеся в древнегреческой философской традиции. Данные оттенки любви иллюстрируются на примере произведений древнерусской литературы, русской классической литературы. Показываются женские и мужские образы героев литературных произведений и раскрываемые ими оттенки любви.*

***Ключевые слова:** любовь, оттенки любви, эрос, людус, сторге, мания, агапэ, прагма, платоническая любовь.*

*Zakharov S. E.
2nd year student
Faculty of Natural Sciences,
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
Russia, Tula*

*Scientific adviser: Chesnova E.N.
candidate of philosophy, associate professor
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
Russia, Tula*

THE CONCEPT OF LOVE IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

***Abstract:** The article discusses the shades of love that stand out in the ancient Greek philosophical tradition. These shades of love are illustrated by the example of works of ancient Russian literature, Russian classical literature. The female and male images of the characters of literary works and the shades of love that they reveal are shown.*

***Keywords:** love, shades of love, eros, ludus, storge, mania, agape, pragma, platonic love.*

Когда-то Владимир Маяковский написал: «Любовь – это сердце всего» [7]. А у Л. Н. Толстого есть слова, звучащие как афоризм: «Без любви жить легче. Но без нее нет смысла» [8]. Своим великим современникам вторит О. Э. Мандельштам: «И море, и Гомер – все движется любовью» [9]. Иными словами, любовь – это необходимый, вечный закон человеческого бытия. Люди веками размышляли над тем, что такое любовь. То, что это глубокая привязанность и устремленность к другому человеку или объекту, – это очевидно. Но ведь у любви очень широкий диапазон: от самого возвышенного чувства до достижения обычного удовольствия. Любовь матери отличается от супружеской любви, а последняя, в свою очередь, отличается от любви к Родине. Да и в отношениях мужчины и женщины чувство любви может приобретать самые разные оттенки: страсти, нежности, влюбленности, привязанности... Об этих «оттенках» любви пойдет речь в рамках данной статьи. С возрождением интереса к Античности и появлением качественных переводов греко-римской литературы многие философы Нового времени заинтересовались пониманием любви, в частности, в Древней Греции, ибо именно эта страна всегда считалась родиной «классической» европейской Античности. И выяснилось, что понимание любви древними греками существенно отличалось от понимания этого чувства людьми более позднего времени, иных культур. Отличие это состояло в том, основу представлений древнегреческих мыслителей о любви составлял *не объект, а характер* любовного чувства. В этой связи древними греками было выделено *семь видов* любви. Во-первых, это *эрос* – эгоистичная любовь, любовь-страсть, любовь-жажда. Во-вторых, это *людус* – любовь-времяпрепровождение, любовь-игра, любовь-забава. В-третьих, это *сторге* – любовь-забота, любовь-нежность. В-четвертых, это *мания* – своеобразный синтез эроса (любви-страсти) и людуса (любви-игры). В-пятых, это *агапэ* – гармоничный союз эроса (любви-страсти) и сторге (любви-заботы). В-шестых, это *прагма*, представляющая собой синтез людуса (любви-времяпрепровождения) и сторге (любви-нежности). И, наконец, в-седьмых, это *платоническая любовь*. Название этого вида любви произошло

от имени великого древнегреческого философа Платона, который именно такую любовь считал истинной. Она интересна тем, что ничего не требует взамен, она бескорыстна и нередко самоотверженна.

Обращение к подобной типологии любовного чувства представляет не только самостоятельный интерес – оно необходимо нам для раскрытия заявленной в заглавии работы темы – «Осмысление любви в русской классической литературе». Действительно, правомерно задуматься над вопросами: все ли из названных видов любви имеют место в произведениях русских писателей? Можно ли говорить о преобладании в русской литературе какого-либо определенного вида любви? Постараемся ответить на эти вопросы, обратившись к произведениям отечественной классики. То, что в любви русской женщины всегда было материнское, жертвенное начало, подтверждают еще произведения древнерусской литературы. Вспомним величайший литературный памятник XII века «Слово о полку Игореве». Ярославна, обращаясь к силам природы – ветру, Днепру, солнцу, молит их не за себя – она просит о даровании милости любимому супругу – князю Игорю и его воинам [См.: 1, с.115]. Эта мольба распространяется и на воинов князя – такова сила женской любви, в которой есть и доля материнского начала [См.: 1, с. 115]. Может, именно сила *такой* любви и помогает князю Игорю собраться с духом, чтобы бежать из половецкого плена? Может, именно она дает герою, в свою очередь, силу и мужество, чтобы преодолеть все препятствия, проделать долгий, трудный и опасный путь и все-таки вернуться на родину? Здесь перед нами такой очевидный тип любви, как *сторге* – любовь-забота, любовь-нежность.

А героиня другого произведения древнерусской литературы – «Повести о Петре и Февронии Муромских», написанной в XVI веке священником Ермолаем-Еразмом, мудрая дева Феврония, и вовсе спасает своего возлюбленного от, казалось, бы неминуемой смерти. Супружество Петра и Февронии – это, прежде всего, духовное единение. Не случайно герои дадут друг другу обет умереть в один день и час, а прежде примут монашеский

постриг, и отныне их общение будет носить исключительно духовный, *платонический* характер. И это еще одна особенность воплощения темы любви в русской литературе – важность именно *духовной* составляющей в любовном чувстве.

Любовь как сострадание, как жертвенное чувство, чувство долга (то, что можно выразить греческим словом *агапэ*», возведенным в христианстве в идеал супружеской и родительской любви) также находит свое отражение в литературе. Этим особенно отмечена русская литература XIX века. Татьяна Ларина, героиня романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823 – 1829), выйдя замуж, хотя, по-прежнему и любит Онегина («Я вас люблю (к чему лукавить?))» [2, с. 335], тем не менее, решительно заявляет ему:

«...я другому отдана;
Я буду век ему верна» [2, с. 335].

И руководит здесь Татьяной не боязнь осуждения света, не следование каким-то догмам светской морали. Быть верной мужу – это *внутренняя, душевная потребность* героини, ее безусловный нравственный императив, заключающийся в невозможности предать близкого человека.

Героиня другого произведения, драмы А. Н. Островского «Гроза» (1859) Катерина, в самую трудную минуту своей жизни, навсегда прощаясь с любимым человеком, думает и беспокоится не о себе – о нем: «Ну, как же ты? Теперь-то ты как?» [3, с. 155]. Это, если угодно, тоже любовь-*агапэ* с преобладанием чувства нежности, заботы о любимом. Катерина не замечает даже (или не хочет замечать?), что ее возлюбленный, Борис, не особенно тревожится о дальнейшей участи вроде бы любимой им Катерины и даже как будто рад возможности уехать из города, таким образом разрешив все проблемы: «Что обо мне-то толковать! Я вольная птица» [3, с. 155]. И еще более цинично в устах убегающего героя звучат слова: «Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше бежать мне тогда!» [3, с. 155]. Что это, как не проявление не только трусости – подлости, отречение от своей любви? И теперь уже не вызывает сомнения, что любовь Бориса – это, согласно

древнегреческой типологии, *людус* – любовь-времяпровождение, любовь-забава. Такое чувство нередко чревато предательством. Да, к сожалению, любовь и предательство нередко идут рядом... И каким контрастом по отношению к циничным словам Бориса и его трусливому поведению станут слова Катерины: «Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, *бедному*, [курсив наш. – С.З.], а там и позабудешь» [3, с. 155]. Все в этих словах героини дышит любовью, жалостью, состраданием, заботой о любимом. К нему будут обращены и последние слова Катерины, которые она выкрикнет на берегу реки – на краю гибели: «Друг мой! Радость моя! Прощай!» [3, с. 157]. Жить и умереть с именем любимого на устах, взять *на себя* тяжелое бремя расплаты за свою любовь – это ли не проявление самоотверженности, а значит, истинности любовного чувства?

Но высшим проявлением самоотречения, готовности пожертвовать собой ради заблудившегося, страдающего человека станет образ Сони Мармеладовой, героини романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). Родион Раскольников, убивший старуху-процентщицу и пришедший к Соне, чтобы признаться в своем преступлении – впрочем, пока даже не считая совершённое им преступлением, этот мрачный, замкнувшийся в себе и своих думах Раскольников, встречает со стороны девушки самое нежное и участливое к себе отношение: «...он вдруг поднял голову и пристально поглядел на нее... он встретил на себе беспокойный и до муки заботливый взгляд ее; тут была любовь...» [4, с.498 – 499]. И Соня, когда по поведению Раскольникова, по *не высказанным* им словам поймет, что убийца старухи перед ней, сначала вдруг бросится перед ним на колени с горестными словами: «Что вы, что вы это *над собой* сделали!» [4, с. 502. – Курсив наш. – С.З.], – а потом, к еще большему удивлению Раскольникова, вскочив с колен, крепко обнимет его. И нам станет понятным такое, на первый взгляд, странное поведение героини. Ей до глубины души, до самой отчаянной и невыносимой сердечной муки станет *жалко* оступившегося человека. Да, это он «над собой» совершил зло: «Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!» [4, с. 502], – в исступлении

воскликнет она, потому что знает наверняка: это *сейчас* человек сосредоточен на себе, замкнут в своей гордыне, разум его помрачен, но пройдет время, и ему откроется вся бездна содеянного им. Справится ли тогда человек с отчаянием, которое непременно настигнет его? Вот почему Соня тут же заверит Раскольникова: «...за тобой пойду, всюду пойду!» [4, с. 503], понимая, что он сейчас нуждается в поддержке. Причем в отношении Сони к Раскольникову это исключительно *платоническое* чувство. «Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!» [4, с. 56] – эти мысленно произнесенные Раскольниковым слова давно стали символом признания того, что мир держится только самоотверженной любовью, состраданием, вечной готовностью и способностью к самопожертвованию. Раскольников в отношении к Соне поначалу не будет испытывать даже платонической любви. Его «чувство» можно обозначить таким оттенком любви, как *прагма*. Подобное чувство нередко считают корыстным, расчетливым. Но прагма часто представляет собой просто спокойное, ровное отношение, строящееся на чувстве собственного достоинства и требовательности к партнеру. В случае с Раскольниковым это как раз такое чувство. И должно пройти время, герой должен был многое испытать, в том числе вполне реальный страх потерять Соню – свою единственную надежду и опору, чтобы в нем проснулось к девушке чувство любви-нежности – *сторге*. И, когда в эпилоге романа Достоевский скажет о Соне и Раскольникове: «Их воскресила любовь» [4, с.668], – мы поймем, что речь здесь идет не о любви-страсти, а вечной, христианской любви к ближнему, к страждущему, к нуждающемуся в помощи. *Платоническая любовь* в сочетании с любовью-*сторге* – вот что соединяет Раскольникова и Соню Мармеладову в эпилоге романа. Можно возразить, сославшись на следующий, казалось бы, неожиданный порыв со стороны героя: «Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени» [4, с. 667]. На наш взгляд, это только проявление бесконечной благодарности той, что спасла его от нравственной гибели, раскаяния и мольбы простить за прежнее равнодушие

и черствость. «Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она – она ведь и жила только одною его жизнью!» [4, с. 668]. «Столько нестерпимой муки» [4, с. 668] – это, несомненно, намек и на едва проснувшуюся любовь-страсть. Но эту тему Достоевский не разворачивает даже в эпилоге романа, только коротко оговорившись: «Это могло бы составить тему нового рассказа, – но теперешний наш рассказ окончен».

Безусловно, русская литература знала и отразила и другие виды любви – и любовь-эрос, и даже любовь-манию. Ярким примером здесь может служить творчество И. А. Бунина (1870 – 1953). Вспомним хотя бы повесть «Митина любовь» (1924). Главный герой в своем отношении к любимой девушке Кате доходит до исступления: «...желание Кати и желание, требование, чтобы она во что бы то ни стало немедленно дала именно это сверхчеловеческое счастье» [5, с. 238] «неистово» [5, с. 238] охватывает юношу. Финал героя трагичен: убедившись в неверности возлюбленной, он кончает жизнь самоубийством... Любовь Мити граничит с *манией* – ею одержимы многие герои Бунина. Мания – сильное, страстное чувство, способное дать человеку как ощущение эйфории, так и довести его до самоубийства, что и происходит с главным героем повести «Митина любовь». А вот повествователь в рассказе «Натали» (1941) испытывает как будто легкомысленное, весьма «игривое» отношение (*людус*) к своей кузине Соне. Но это чувство в герое сочетается с сильнейшим плотским влечением к девушке (налицо явный *эрос*). При этом рассказчик испытывает некое «раздвоение» чувств между страстью к Соне и влюбленностью в ее подругу Натали. Подобное «раздвоение» делает героя глубоко несчастным... А по сути глубокого чувства у героя нет.

И вернемся к вопросу, заданному нами в самом начале: можно ли говорить о преобладании в русской литературе какого-либо определенного вида любви? На наш взгляд, можно, только это будет гармоническое соединение любовного чувства. Так, любовь Константина Левина к жене Кити

(Л. Н. Толстой. «Анна Каренина» (1874 – 1877)) – это вполне органическое сочетание *эроса* и *сторге*, то есть любви-страсти с глубочайшей нежностью, даже преклонением перед любимой женщиной. То же качество свойственно и супружеству героев романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863 – 1869) Наташи Ростовой и Пьера Безухова. Наташа, живущая интересами семьи и принимающая, по словам Толстого, участие в каждой минуте жизни мужа (что это, как не духовное единение любящих супругов?), тоскует в разлуке с ним, а их встреча по приезду Пьера полна нежности и страстности.

Итак, как видим, русская литература отразила всю палитру любовных чувств – от испепеляющей страсти до высокого платонизма. И все-таки, говоря о преобладании определенных любовных чувств в произведениях отечественной классики, мы с полной уверенностью можем сказать, что сущность любви в понимании русских писателей состоит в преимущественном отражении нежности и страстности в органическом соединении с заботливостью, участливостью, жертвенностью, то есть в том, что делает любовное чувство настоящим, истинным, гармоничным.

Список литературы:

1. Слово о полку Игореве / Вступит. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. М.: Издательство Оникс, 2007. 272 с.
2. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. 527 с.
3. Островский А. Гроза и другие пьесы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 384 с.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Издательство «Э», 2016. 672 с.
5. Бунин И.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.
6. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах / Сост.: В. Н. Назаров, Г. П. Сидоров. М.: Политиздат, 1989. 605 с.

7. «Любовь – это сердце всего»: Владимир Маяковский о любви [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://colors.life> (дата обращения 13.03.2020 г.).

8. Мир афоризмов. Мудрые мысли, цитаты, притчи [Электронный ресурс]. // Режим доступа: URL: <https://aphoristic-world.ru> (дата обращения 13.03.2020 г.).

9. Осип Мандельштам – Бессонница. Гомер. Тугие паруса... [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://rustih.ru> (дата обращения 13.03.2020 г.).

© С.Е. Захаров, 2020